

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Драммы.
Евгений Онегин // Государственное издательство «Художественная
литература», Москва, 1936
FB2: Олег Торбасов, 17.03.2022, version 1.0
UUID: 22BA3487-7229-421A-A081-2D7798B99740
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Сцены из рыцарских времён

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Драммы. Евгений Онегин.— М., Государственное издательство «Художественная литература», 1936.— сс. 221—253.

Мартын.

Послушай, Франц: в последний раз говорю тебе как отец: я долго терпел твои проказы; а долее терпеть не намерен. Уймись или худо будет...

Франц.

Помилуй, батюшка; за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не делаю.

Мартын.

Ничего не делаю! То-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь. На что ты надеешься? на моё богатство? Да разве я разбогател, сложа руки да сочиняя глупые песни? Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейсера в руку да два пинка в гузно, да примолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. С той поры мы уж и не видались; слава богу, нажил я себе и дом, и деньги, и честное имя — а чем? бережливостью, терпением, трудолюбием. Вот уже мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счётные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с

господами, которые нас презирают да забирают в долг товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состояния. Но слушай, Франц. Коли ты не переменишься, не отстанешь [от] дворян, да не примешься порядком за своё дело — то, видит бог, выгоню тебя из дому, а своим наследником назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Франц.

Твоя воля, батюшка; делай, как хочешь.

Мартын.

То-то ж, смотри...

(Входит брат Бертольд.)

Мартын.

Вон и другой сумасброд. Зачем пожаловал?

Бертольд.

Здравствуй, сосед. Мне до тебя нужда.

Мартын.

Нужда! Опять денег!?

Бертольд.

Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденов?

Мартын.

Как не так — где мне их взять? Я ведь не клад.

Бертольд.

Пожалуй — не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадашие.

Мартын.

Как не пропадашие? Мало ли я тебе передавал денег? Куда они делись?

Бертольд.

В дело пошли; но теперь прошу тебя уж в последний раз.

Мартын.

Об этих последних разгах я слышу уж не в первый раз.

Бертольд.

Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы — теперь уж я всё расчислил; опыт мой не может не удался.

Мартын.

Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки, то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Бертольд.

Золота мне не нужно, я ищу одной истины.

Мартын.

А мне чорт ли в истине, мне нужно золото.

Бертольд.

Так ты не хочешь поверить мне ещё?

Мартын.

Не могу и не хочу.

Бертольд.

Так прощай же, сосед.

Мартын.

Прощай.

Бертольд.

Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег.

Мартын.

Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены.— А, слава богу, нынче по большим дорогам не так-то легко наживаться.

Бертольд.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затевается турнир, и барон туда отправляется. Прощай.

Мартын.

И ты думаешь, даст он тебе денег?

Бертольд.

Может быть и даст.

Мартын.

И ты употребишь их на последний опыт?

Бертольд.

Непременно.

Мартын.

А если опыт не удастся?

Бертольд.

Нечего будет делать. Если и этот опыт не удастся, то алхимия вздор.

Мартын.

А если удастся?

Бертольд.

Тогда... я возвращу тебе с лихвой и благодарностию все суммы, которые занял у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартын.

Зачем барону, а не мне?

Бертольд.

И рад бы, да не могу: ты знаешь, что я обещался пресвятой богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при последнем и решительном моем опыте.

Мартын.

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться! Куда ж ты? — стой! Ну, так и быть. На этот

раз дам тебе денег взаймы? Бог с тобою! Но смотри ж, сдержи своё слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным.

Бертольд.

Не бойся. Другого уж не понадобится...

Мартын.

Погоди же здесь; сейчас тебе вынесу — сколько, бишь, тебе надобно?

Бертольд.

Полтора гильденов.

Мартын.

Полтора гильденов... Боже мой! и ещё в какие крутые времена!

Бертольд и Франц.

Бертольд.

Здравствуй, Франц, о чём ты задумался?

Франц.

Как мне не задумываться? сейчас отец грозился меня выгнать и лишит наследства.

Бертольд.

За что это?

Франц.

За то, что я знакомство веду с рыцарями.

Бертольд.

Он не совсем прав, да и не совсем виноват.

Франц.

Разве мещанин недостойн дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд.

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

Франц.

Виноват ли «я» в том, что «не» люблю своего состояния? что честь для меня дороже денег?

Бертольд.

Всякое состояние имеет свою честь и свою выгоду. Дворянин воюет и красуется. Мещанин трудится и богатеет. Почтен дворянин за решоткою своей башни — купец в своей лавке...

(Входит Мартын.)

Мартын.

Вот тебе полтора гильденов — смотри ж, тещу тебя в последний раз.

Бертольд.

Благодарен, очень благодарен. Увидишь, не будешь раскаиваться.

Мартын.

Постой! Ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

Бертольд.

Займусь ещё одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*.

Мартын. Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольд.

Perpetuum mobile, то есть *вечное движение*. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти *perpetuum mobile*... о!..

Мартын.

Убирайся к чорту с твоим *perpetuum mobile*!.. Ей-богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь бог знает что. Невозможно. Экой он сумасброд!

Бертольд.

Экой он брюзга!

(Расходятся в разные стороны.)

Франц.

Чорт побери наше состояние! — Отец у меня богат — а мне какое дело? Дворянин, у которого нет ничего, кроме зазубренного меча да заржавленного шлема, счастливее и почётнее отца моего. Отец мой сымает перед ним шляпу — а тот и не смотрит на него.— Деньги! потому что деньги достались ему не дёшево, так он и думает, что в деньгах вся и сила — как не так! Если он так силен, попробуй отец ввести меня в баронский замок! Деньги! деньги рыцарю не нужны — на то есть мещане — как прижмёт их, так и забрызжет кровь червонцами!.. Чорт побери наше состояние! — Да по мне лучше быть последним минстрелем — этого по крайней мере в замке принимают... госпожа слушает его песни, наливает ему чашу и подносит из своих рук...

Купец, сидя за своими книгами, считает, считает, клянётся, хитрит перед всяким покупщиком: «Ей-богу, сударь, самый лучший товар, дешевле нигде не найдёте». — «Врёшь ты, жид». «Никак нет, честью вас уверяю»...

Честью! Хороша честь! А рыцарь — он волен как сокол... он никогда не горбился над счетами, он идёт прямо и гордо, он скажет слово, ему верят...

Да разве это жизнь? — Чорт её побери! — Пойду лучше в минстрели.

Однако что это сказал монах? Турнир в * и туда едет барон — ах, боже мой! там будет и Клотильда. Дамы обсядут кругом, трепеща за своих рыцарей — трубы затрубят — выступят герольды — рыцари объедут поле, преклоняя копья перед балконом своих красавиц... трубы опять затрубят — рыцари разъедутся — помчатся друг на друга... дамы ахнут... боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнике, никогда герольды не возгласят моего имени, презренного мещанского имени, никогда Клотильда не ахнет...

Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...

Альбер.

А! это Франц; на кого ты раскричался?

Франц.

Ах, сударь, вы меня слышали... я сам с собою рассуждал...

Альбер.

А о чём рассуждал ты сам с собою?

Франц.

Я думал, как бы мне попасть на турнир.

Альбер.

Ты хочешь попасть на турнир?

Франц.

Точно так.

Альбер.

Ничего нет легче; у меня умер мой конюший — хочешь ли на его место?

Франц.

Как! бедный ваш Яков умер? Отчего ж он умер?

Альбер.

Ей-богу, не знаю — в пятницу он был здоровёшенек; вечером воротился я поздно (я был в гостях у Ремона и порядочно подпил) — Яков сказал мне что-то... я рассердился и ударил его — помнится, по щеке — а может быть и в висок — однако нет: точно по щеке; Яков повалился — да уж и не встал; я лёг не раздевшись — а на другой день узнаю, что мой бедный Яков — умрё.

Франц.

Ай рыцарь! видно, пощёчины ваши тяжёлы.

Альбер.

На мне была железная рукавица.— Ну что же, хочешь быть моим конюшим?

Франц (*почёсывается*).

Вашим конюшим?

Альбер.

Что ты почёсываешься? соглашайся.— Я возьму тебя на турнир — ты будешь жить у меня в замке. Быть оруженосцем у такого рыцаря, как я, не шутка: ведь уж это ступень. Со временем, как знать, тебя посвятим и в рыцари — многие так начинали.

Франц.

А что скажет мой отец?

Альбер. А ему какое дело до тебя?

Франц.

Он меня наследства лишит...

Альбер.

А ты плюнь — тебе же будет легче.

Франц.

И я буду жить у вас в замке?..

Альбер.

Конечно.— Ну, согласен?

Франц.

Вы не будете давать мне пощёчин?

Альбер.

Нет, нет, не бойся; а хоть и случится такой грех — что за беда? — не все ж конюшие убивают до смерти.

Франц.

И то правда: коли случится такой грех — посмотрим, кто кого...

Альбер.

Что? что ты говоришь? я тебя не понял.

Франц.

Так, я думал сам про себя.

Альбер. Ну, что ж — соглашайся...

Франц.

Извольте — согласен.

Альбер.

Нечего было и думать. Достань-ка себе лошадь и приходи ко мне.

Берта и Клотильда.

Клотильда.

Берта, скажи мне что-нибудь, мне скучно.

Берта.

О чём же я буду вам говорить? — не о на-

шем ли рыцаре.

Клотильда.

О каком рыцаре?

Берта.

О том, который остался победителем на турнире.

Клотильда.

О графе Ротенфельде. Нет, я не хочу говорить о нём; вот уже две недели, как мы возвратились — а он и не думал приехать к нам; это с его стороны неучтивость.

Берта.

Погодите — я уверена, что он будет завтра...

Клотильда.

Почему ты так думаешь?

Берта.

Потому, что я его во сне видела.

Клотильда.

И, боже мой! Это ничего не значит. Я всякую ночь вижу его во сне.

Берта.

Это совсем другое дело — вы в него влюблены.

Клотильда.

Я влюблена! Прошу пустяков не говорить... Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего. Говори мне о ком-нибудь другом.

Берта.

О ком же? О конюшем братца, о Франце?

Клотильда.

Пожалуй, говори мне о Франце.

Берта.

Вообразите, сударыня, что он от вас без ума.

Клотильда.

Франц от меня без ума? Кто тебе это сказал?

Берта.

Никто, я сама заметила; когда вы садитесь верхом, он всегда держит вам стремя; когда служит за столом, он не «видит» никого, кроме вас; если вы уроните платок, он всех проворнее его подымет — а на нас и не смотрит...

Клотильда.

Или ты дура, или Франц предерзкая тварь...

(Входят Альбер, Ротенфельд и Франц.)

Альбер.

Сестра, представляю тебе твоего рыцаря,

граф приехал погостить в нашем замке.

Граф.

Позвольте, благородная девица, недостойному вашему рыцарю ещё раз поцеловать ту прекрасную руку, из которой получил я драгоценнейшую награду...

Клотильда.

Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя... Братец, я буду вас ожидать в северной башне... *(Уходит.)*

Граф.

Как она прекрасна!

Альбер.

Она предобрая девушка. Граф, что же вы не раздеваетесь? Где ваши слуги? Франц! разуй графа. *(Франц медлит.)* Франц, разве ты глух?

Франц.

Я не всемирный слуга, чтобы всякого разувать...

Граф.

Ого, какой удалец!

Альбер.

Грубиян! *(Замахивается.)* Я тебя прогоню!

Франц.

Я сам готов оставить замок.

Альбер.

Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управляюсь... Вон!.. *(Толкает его в спину.)*

Чтобы духа твоего здесь не было!

Граф.

Пожалуйста, не трогайте этого дурака, он. право, не стоит...

Клотильда.

Братец, мне до тебя просьба.

Альбер.

Чего ты хочешь?

Клотильда.

Пожалуйста, прогони своего конюшего Франца, он осмелился мне нагрубить...

Альбер.

Как! и тебе?.. Жаль же, что я уж его прогнал; он от меня так скоро б не отделался. Да что ж он сделал?

Клотильда.

Так, ничего. Если ты уж его прогнал, так нечего и говорить. Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?

Альбер.

Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя. Что ж ты краснеешь?..

Клотильда.

Ты всё шутишь — а он и не думает...

Альбер.

Не думает? О чём же?

Клотильда.

Ах, братец, какой ты несносный! Я говорю, что граф обо мне и не думает...

Альбер.

Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет.

—

Франц.

Вот наш домик... Зачем было мне оставлять его для гордого замка? Здесь я был хозяин, а там — слуга... и для чего?.. для гордых взоров наглой благородной девицы. Я переносил унижения, я унизился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы... я не примечал ничего... Я, который не хотел зависеть от отца, — я стал зависим от чужого... И чем всё это кончилось? — Боже... кровь кидается в лицо —

кулаки мои сжимаются... О, я им отомщу, отомщу...

Как-то примет меня отец! *(Стучится.)*

Карл *(выходит).*

Кто там так бодро стучится? — А! Франц, это ты! *(Про себя.)* Вот чорт принёс!

Франц.

Здравствуй, Карл. Отец дома?

Карл.

Ах, Франц, давно же ты здесь не был... Отец твой с месяц, как уж помер.

Франц.

Боже мой! Что ты говоришь?.. Отец мой умер! — Невозможно!

Карл.

Так-то возможно, что его и схоронили.

Франц.

Бедный, бедный старик!.. И мне не дали знать, что он болен! может быть, он умер с горести — он меня любил, он чувствовал сильно. Карл, и ты не мог послать за мною! он меня бы благословил...

Карл.

Он умер, осердясь на приказчика и выпив сторяча три бутылки пива — оттого и умер.

Знаешь ли что ещё, Франц? Ведь он лишил тебя наследства — а отдал всё своё имение...

Франц.

Кому?

Карл.

Не смею тебе сказать — ты такой вспыльчивый...

Франц.

Знаю: тебе...

Карл.

Бог видит, я не виноват.— Я готов был бы тебе всё отдать... потому что, видишь ли, хоть закон и на моей стороне,— однако, вот, по совести, чувствую, что всё-таки сын наследник отца, а не подмастерье... Но, видишь, Франц... я ждал тебя, а ты не приходил — я и женился... а вот теперь, как женат, уж я и не знаю, что делать... и как быть...

Франц.

Владей себе моим наследством, Карл, я у тебя его не требую. На ком ты женат?

Карл.

На Юлии Фурст, мой добрый Франц, на дочери Иоганна Фурста, нашего соседа... я тебе её покажу. Если хочешь остаться, то у меня

есть порожний уголок...

Франц.

Нет, благодарствуй, Карл. Кланяйся Юлии — и вот отдай ей эту серебряную цепочку — от меня на память...

Карл.

Добрый Франц! — Хочешь с нами отобедать? — мы только что сели за стол...

Франц.

Не могу, я спешу...

Карл.

Куда же?

Франц.

Так, сам не знаю — прощай.

Карл.

Прощай, бог тебе помоги. *(Франц уходит.)*
А какой он добрый малый — и как жаль, что он такой беспутный! — Ну, теперь я совершенно покоен; у меня не будет ни тяжбы, ни хлопот.

(Вассалы, вооружённые косами и дубинами.)

Франц.

Они проедут через эту лужайку — смотри-

те же, не робеть; подпустите их как можно ближе, продолжая косить, рыцари на вас гаркнут — и наскочут — тут вы размахнитесь косами по лошадиным ногам, а мы из лесу и приударим... чу!..— Вот они.

(Франц с частью вассалов скрывается за лес.)

Косари *(поют).*

*Ходит во поле коса,
Зеленая полоса
Вслед за ней ложится.
Ой, ходи, моя коса.
Сердце веселится.*

(Несколько рыцарей, между ими Альбер и Ротенфельд.)

Рыцари.

Гей, вы — долой с дороги! *(Вассалы смятут шляпы и не трогаются.)*

Альбер.

Долой, говорят вам!.. Что это значит, Ротенфельд? они ни с места.

Ротенфельд.

А вот, пришпорим лошадей да потопчем их порядком...

Косари.

Ребята, не робеть...

(Лошади раненые падают с седоками, другие бесятся.)

Франц *(бросается из засады).*

Вперёд, ребята! У! у!..

Один рыцарь *(другому).*

Плохо, брат,— их более ста человек...

Другой.

Ничего, нас ещё пятеро верхами...

Рыцари.

Подлецы, собаки, вот мы вас!

Вассалы.

У! у! у!..

(Сражение. Все рыцари падают один за другим.)

Вассалы *(бьют их дубинами, косами).*

Наша взяла!.. Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые! Теперь вы в наших руках...

Франц.

Который из них Ротенфельд? — Друзья! подымите забрака — где Альбер?

(Едет другая толпа рыцарей.)

Один из них.

Господа! посмотрите, что это значит? Здесь дерутся...

Другой.

Это бунт — подлый народ бьёт рыцарей...

Рыцари.

Господа! господа!.. Копья в упор!.. Пришпоривай!

(Наехавшие рыцари нападают на вассалов.)

Вассалы.

Беда! Беда! Это рыцари!.. *(Разбегаются.)*

Франц.

Куда вы! Оглянитесь, их нет и десяти человек!..

(Он ранен; рыцарь хватает его за ворот.)

«**Рыцарь.**»

Постой! брат... успеешь им проповедать.

Другой.

И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей! смотрите, один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас!

(Лежащие рыцари встают один за другим.)

Рыцари.

Как! вы живы?

Альбер.

Благодаря железным латам... *(Все смеются.)* Ага! Франц, это ты, дружок? Очень рад, что встречаю тебя... Господа рыцари! благода-

рим за великодушную помощь.

Один из рыцарей.

Не за что: на нашем месте вы бы сделали то же самое.

Альбер.

Смею ли просить вас в мой замок дни на три отдохнуть после сражения и дружески попить?..

Рыцарь.

Извините, что не можем воспользоваться вашим благородным гостеприимством. Мы спешим на похороны Эльсбергского принца — и боимся опоздать...

Альбер.

По крайней мере, сделайте мне честь у меня отужинать.

Рыцарь.

С удовольствием.— Но у вас нет лошадей — позвольте предложить вам наших... мы сядем за вами, как освобождённые красавицы (*Садятся.*) А этого молодца, так и быть, довезём уж до первой виселицы... Господа, помогите его привязать к репице моей лошади...

ЗАМОК РОТЕНФЕЛЬДА

Рыцари ужинают.

Один рыцарь.

Славное вино!

Ротенфельд.

Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался; этот поход ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценок какому-то епископу.

Рыцарь.

Славное вино! — За здоровье благородной хозяйки!..

Рыцари

За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Клотильда.

Благодарю вас, рыцари... За здоровье ваших дам... *(Пьёт.)*

Ротенфельд.

За здоровье наших избавителей!

Рыцари.

За здоровье наших избавителей!

Один из рыцарей.

Ротенфельд! праздник ваш прекрасен, но

ему чего-то недостаёт...

Ротенфельд.

Знаю, кипрского вина; что делать — всё вышло на прошлой неделе.

Рыцарь.

Нет, не кипрского вина; недостаёт песен миннезингера...

Ротенфельд.

Правда, правда... Нет ли в соседстве миннезингера; ступайте-ка в гостиницу...

Альбер.

Да чего ж нам лучше? Ведь Франц ещё не повешен — кликнуть его сюда...

Ротенфельд.

И в самом деле, кликнуть сюда Франца!

Рыцарь.

Кто этот Франц?

Ротенфельд.

Да тот самый негодяй, которого вы взяли сегодня в плен.

Рыцарь.

Так он и миннезингер?

Альбер.

О! всё, что вам угодно. Вот он.

Ротенфельд.

Франц! рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти, а голос ещё не пропал.

Франц.

Чего мне бояться? Пожалуй, я вам спою песню моего сочинения. Голос мой не задрожит, и язык не отнялся.

Ротенфельд.

Посмотрим, посмотрим. Ну — начинай...

Франц (*поёт*).

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.*

*Он имел одно виденье,
Недостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.*

*С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною.
Молвить слова не хотел.*

*Он себе на шею чётки
Вместо шарфа навязал,*

*И с лица стальной решётки
Ни пред кем не подымал.*

*Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. Б. своею кровью
Начертал он на щите.*

*И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины
Именуя громко дам,—*

*Lumen coeli, sancta rosa![1]
Восклищал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.*

*Возвратись в свой замок дальный,
Жил он строго заключён;
Всё безмолвный, всё печальный,
Как безумец умер он.*

(Восклицанья.)

Рыцари.

Славная песня; да она слишком заунывна.
Нет ли чего повеселее?

Франц.

Извольте, есть и повеселее.

Ротенфельд.

Люблю за то, что не унывает! — Вот тебе кубок вина.

Франц.

Ворошился ночью мельник... Жёнка! что за сапоги? Ах ты, пьяница, бездельник! Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя лукавый? Это вёдра. Вёдра? право? — Вот уж сорок лет живу, Ни во сне, ни наяву Не видал до этих пор Я на вёдрах [медных] шпор.

Рыцари.

Славная песня! прекрасная песня! — ай-да миннезингер!

Ротенфельд.

А всё-таки «я» тебя повешу.

Рыцари.

Конечно — песня песню, а верёвка верёвкой. Одно другому не мешает.

Клотильда.

Господа рыцари! я имею просьбу до вас — обещайте не отказать.

Рыцарь.

Что изволите приказать?

Другой.

Мы готовы во всём повиноваться.

Клотильда.

Нельзя <ли> помиловать этого бедного человека?.. он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы.

Ротенфельд.

Помиловать его!.. Да вы не знаете подлого народа. Если не пугнуть их порядком да пощадить их предводителя, то они завтра же взбунтуются опять...

Клотильда.

Нет, я ручаюсь за Франца. Франц! не правда ли, что, если тебя помилуют, то уже более бунтовать не станешь?

Франц *(в чрезвычайном смущении)*.

Сударыня... Сударыня...

Рыцарь.

Ну, Ротенфельд... что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Рыцари.

Надобно его помиловать.

Ротенфельд.

Так и быть: мы его не повесим — но запрём его в тюрьму, и даю моё честное слово,

что он до тех пор из неё не выйдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся.

Рыцари.

Быть так...

Клотильда.

Однако...

Ротенфельд.

Сударыня, я дал честное слово.

Франц.

Как, вечное заключение! Да по мне лучше умереть.

Ротенфельд.

Твоего мнения не спрашивают — отведите его в башню...

(Франца уводят.)

Франц.

Однако ж я ей обязан жизнью!..

Примечания

Свет небес, святая роза!

[^^^]